К. ВАГИНОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ХАОС

Издание Кольца Поэтов
MCMXXI
ПЕТЕРБУРГ

Настоящее издание отпечатано в 26-й Государственной типографии в количестве 450 экземпляров. Из них 50 нумерованных в продажу не поступают.

К. ВАГИНОВ

Издание Кольца Поэтов
MCMXXI
ПЕТЕРБУРГ

Р. В. Ц. Петроград.

*Достохвальному Аббат-
ству Гаэров посвящает
свое путешествие Кон-
стантин Вагинов.*

Седой табун из вихревых степей
Промчался все круша и руша.
И серый мох покрыл стада камней.
Травой зеленой всходят наши души.

Жуют траву стада камней.
В ночи я слышу шорох жуткий,
И при большой оранжевой. Луне
Уходят в камни наши души.

Еще зари оранжевое ржанье
Ерусалимских стен не потрясло,
Лицо Іоконоанна—белый камень
Цветами зелени и глины поросло.

И голова моя качается как череп
У окон сизых, у пустых домов
И в пустыри открыты двери,
Где щебень, вихрь, круженье облаков.

Под пегим городом заря играла в трубы,
И камышами одичалый челн пророс.
В полуоткрытые заоблачные губы
Тянулся месяц с сетью желтых кос.

И завывал над бездной человек нечеловечьи
И ударял в стада сырых камней,
И выходили души на откос Кузнечный
И хаос резали на призрачном огне.

Пустую колыбель над сумеречным миром
Качает желтого Иосифа жена.
Ползут туманы в розовые дыры
И тленье подымается из ран.

Бегут туманы в розовые дыры
И золоченых статуй в них мелькает блик,
Маяк давно ослеп над нашею квартирой
За бахромой ресниц — истлевшие угли.

Арап! Сдавай скорее карты!
Нам каждому приходится ночной кусок,
Заря уже давно в окно покашливает
И выставляет солнечный сосок.

Сосите, мол, и уходите в камни
Вы что то засиделись за столом,
И, в погремушках вся, Мария в ресторане
О сумашедшем Сыне думает своем.

Цветы цветут из глаз зеленых наших
И наши мысли лепестки твердят,
Безумный Иисус с виновною ромашкой
Бредет куда глаза глядят.

О, только бы уйти от Бога,
Солгавшего и лгавшего всегда,
И месяц ржет на голубой дороге
И там, вдали, смеется Иордан.

Надел Исус колпак дурацкий,
Озера сохли глаз Его,
И с ликом, вывшим из акаций,
Совокупился лик Его.

Кусает солнце холм покатый,
В крови листва, в крови песок...
И бродят овцы между статуй,
Носами тычут в пальцы ног.

Вихрь, бей по Лире,
Лира, волком вой,
Хаос все шире, шире...
Господи! Упокой.

Набухнут бубны звезд над нами,
Бубновой дамой выйдет ночь,
И над великим рестораном
Прольет багряное вино.

И ты себя как горсть червонцев
Как тонкий мех индийских коз
Отдашь в ее глухое лоно
И в нем задремлешь глубоко.

Прильни овалом губ холодных
Последний раз к перстам чужим
И в человеческих ладонях
Почувствуй трепетанье ржи.

Твой дом окном глядит в пространство,
Сырого лона запах в нем,
Как Финикия в вечность канет
Его Арийское веретено.

Уж сизый дым влетает в окна,
Простерстый на диване труп
Все ищет взорами волокно
Хрустальных дней раз‘ятую игру.

И тихий свет над колебелью,
Когда рождался отошедший мир,
Тогда еще Авроры трубы пели
И у бубновой дамы не было восьми.

Тает маятник, умолкает
И останавливаются часы.
Хаос—арап с глухих окраин
Карты держит, как человеческий сын.

Сдал бубновую даму и доволен,
Даже нет желанья играть,
И хрустальный звон колокольный
Бежит к колокольням вспять.

ОСТРОВА.

(1919 г.).

О, удалимся на острова Вырождений,
Построим хрустальные замки снов,
Поставим тигров и львов на ступенях,
Будем следить теченье облаков.

Пусть звучит музыка в узорных беседках,
Звуки скрипок среди аллей,
Пусть поют птицы в золоченых клетках,
Будут наши лица лилий белей

Будем в садах устраивать маскарады,
Песни петь и стихи слагать,
Будем печалью тихою рады,
Будем протяжно произносить слова.

Голосом надтреснутым говорить о Боге,
О больном одиноком Паяце,
У него сияет месяц двурогий,
Месяц двурогий на его венце.

Тихо, тихо качается небо,
С тихими бубенцами Его колпак,
Мы только атомы Его тела
Такие же части как деревьев толпа.

Такие части, как кирпич и трубы,
Ничем не лучше забытых мостов над рекой,
В своей печали не будем мы грубы,
Не будем руки ломать с тоской.

Мы будем покорно звенеть бубенцами,
На островах Вырождений одиноко жить,
Чтоб не смутить своими голосами
Людей румяных в колосьях ржи.

Как нежен запах твоих ладоней,
Морем и солнцем пахнут они,
Колокольным тихим звоном полный
Ладоней корабль бортами звенит.

Твои предки возили пряности с Явы,
С голубых островов горячих морей,
Помнишь кусочек якоря ржавый
Хранится в узорной шкатулке твоей.

Там же лежат венецианеские бусы
И золотые монеты с Марком святым,
Умер корабль, исчезли матросы,
Волны не бьются в его борты.

Он стал призраком твоих ладоней
Бросил якорь в твоей крови,
И погребальным звоном полны
Маленькие нежные руки твои.

Сегодня—дыры, не зрачки у глаз,
Как холоден твой лик, проплаканы ресницы,
Вдали опять адмиралтейская игла
Заблещет, блещет в утренней зарнице.

И может быть, ночной огромный крик
Был только маревом на обулыжненном болоте,
И стая не слетится черных птиц,
И будем слышать мы орлиный клекот...

НА НАБЕРЕЖНОЙ.

Как бедр твоих волнует острие.
Еще распущены девические косы,
Когда зубов белеющих копье
Пронзает губы алые матросов.

На набережной, где снуют они,
С застывшей солью на открытых блузах,
Ты часто смотришь на пурпурные огни
На черных стран цветные грузы.

В твоей руке колода старых карт,
Закат горит последними углями,
Индийских гор зеленая река
Уснет в тебе под нашими снегами.

И может быть сегодня в эту ночь
Услышу я ее больные зовы,
Когда от кораблей пойдем мы прочь
В ворота под фонарь багровый.

В старинных запахах, где золото и бархат
В бассейнах томности ласкают ноздри вам,
Растут левкои белые у золоченых арок,
И море пурпуром сжимает берега.

Среди жеманных, еле слышных звуков,
Там жизнь течет подобно сладким снам.
Какой то паж целует нежно руки
И розы тянутся к эмалевым губам.

В квадрат очерчены цветочные аллеи,
В овалы налиты прохладные пруды,
И очертание луны серпом белеет
На зеркалах мерцающих воды.

В старинных запахах, где золото и бархат
В бассейнах томности ласкает ноздри вам,
Вы встретите себя у золоченых арок
Держащей белого козленка за рога.

Луна, как глаз, налилась кровью,
Повисла шаром в темноте небес,
И воздух испещрен мычанием коровьем,
И волчьим завываньем полон лес.

И старый шут горбатый и зеленый
Из царских комнат прибежал к реке
И телом обезьянки обнаженным
Грозил кому-то в небесах в тоске.

И наверху, где плачут серафимы,
Звенели колокольцы колпака,
И старый Бог, огромный и незримый,
Спектакль смотрел больного червяка.

И шут упал и ангелы молились,
Заплаканные ангелы у трона Паяца,
А он в сияньи золотистой пыли
Смеялся резким звонам бубенца.

И век за веком плыл своей орбитой,
Родились юноши с печалью вместо глаз,
С душою обезьянки, у реки убитой,
И с той поры идет о Паяце рассказ.

Есть странные ковры, где линии неясны,
Где краски прихотливы и нежны,
Персидский кот, целуя вашу грудь прекрасную,
Напоминает мне под южным небом сны.

Цветы свой аромат дарят прохладе ночи,
Дарите ласки Вы персидскому коту,
Зеленый изумруд—его живые очи,
Зеленый изумруд баюкает мечту.

Быть может, это принц из сказки грезы лунной,
Быть может, он в кафтан волшебный облачен,
Звучат для Вас любви восточной струны,
И принц персидский Вами увлечен.

Луна звучит, луна поет Вам серенаду,
Вам солнца ненавистен яркий свет,
Средь винных чар, средь гроздий виноградных
Ваш принц в волшебный мех одет.

Ковры персидские всегда всегда неясны,
Ковры персидские всегда всегда нежны.
Персидский принц иль кот?—Любовь всегда
прекрасна.
Мы подчиняемся влиянию луны.

КАФЭ В ПЕРЕУЛКЕ.

Есть странные кафэ, где лица слишком бледны,
Где взоры странны, губы же ярки,
Где посетители походкою неверной
Обходят столики, смотря на потолки.

Они оборваны, движенья их нелепы,
Зрачки расширены их бегающих глаз,
И потолки их давят точно стены склепа,
Светильня грустная для них фонарный газ.

Один в углу сидит и шевелит губами:
„Я новый бог, пришел чтоб этот мир спасти,
Сказать, что солнце в нас, что солнце не
над нами,
Что каждый—бог, что в каждом—все пути,

Что в каждом—города, и рощи, и долины,
Что в каждом существе—и реки, и моря,
Высокие хребты, и горные низины,
Прозрачные ручьи, что золотит заря.

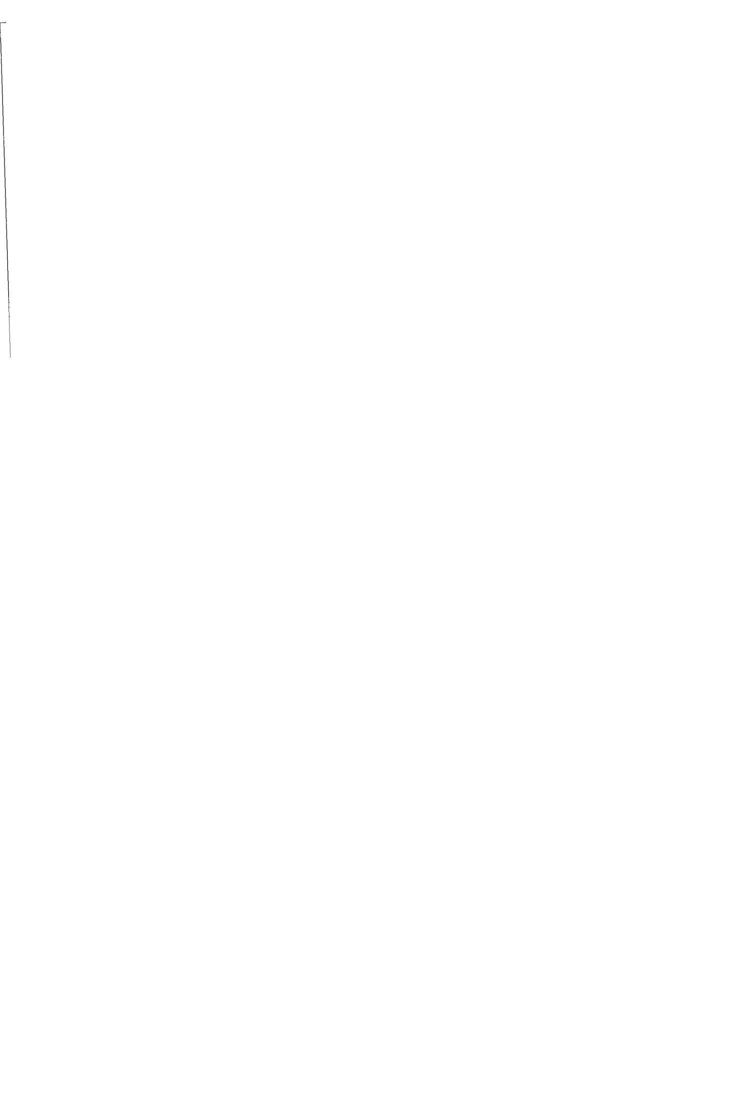
О, мир весь в нас, мы сами—боги,
В себе построили из камня города
И насадили травы, провели дороги,
И путешествуем в себе мы целые года....

Но вот умолкла скрипка на эстраде
И новый бог лепечет—это только сон,
И муха плавает в шипучем лимонаде,
И неуверенно к дверям подходит он.

На улице стоит поэт чугунный,
В саду играет в мячик детвора,
И в небосклон далекий и лазурный
Пускает мальчик два шара.

Есть странные кафэ, где лица слишком
бледны,
Где взоры странны, губы же ярки;
Там посетители походкою неверной
Обходят столики, смотря на потолки.

1921.

СОДЕРЖАНИЕ.

Издания Кольца Поэтов

ИМЕНИ

К. М. ФОФАНОВА.

Андрей Скорбный. Звенящия слезы.
СТИХИ. СПБ. 1921.

Борис Смиренский. Лунная струна.
СТИХИ. СПБ. 1921.

Борис Смиренский.
В лимонной гавани Иокогама.
СТИХИ. *(Печатается).*

Андрей Скорбный. Больная любовь.
СТИХИ. *(Печатается).*